

В 1951 году небольшая группа советских художников была направлена в Италию на международную венецианскую выставку Биеннале, в которой участвовала и наша страна. Пластову тогда было уже за шестьдесят. Но надо было видеть, как знакомился с Италией художник! И своим внешним обликом, и бурностью темперамента он часто обращал на себя внимание итальянцев, как известно, не страдающих отсутствием темперамента.

Выглядел друг наш Аркадий так, будто об одежде он никогда не заботился: далеко не новый, помятый чесучевый костюм, коричневый галстук, завязанный раз и навсегда, одевавшийся и снимавшийся через голову — говоря его же словами, «как хомут». На голове у него была старая соломенная шляпа. Эту шляпу он называл - «мой шалаш». Карманы пиджака были набиты железными коробками с цветными карандашами и другими рисовальными принадлежностями, громыхавшими при каждом движении. В руках держал альбомчик. Ни старая шляпа, ни железное громыхание коробок, ни вид галстука, который от постоянного утреннего затягивания одним концом становился все короче, а другим, тонким, вытянулся до того, что свисал с каждым днем все ниже — ничто не смущало Аркашу.

Солнечная Венеция... Наша группа из девяти человек медленно идет по городу, любуясь его красотой. Но Пластов то и дело куда-то пропадает. А через несколько минут, казалось, отставший от нас, он вдруг неожиданно идет навстречу, весь сияющий.

— Ну, братцы, какое я сейчас чудо видел! — громко говорит Аркаша. Слово «чудо» он произносил по-своему, по-пластовски: «тшудо!»

Идем дальше, смотрим, как бы не потерялся Аркаша в чужом городе, да еще без знания языка. Но его это совершенно не волнует. Его снова нет с нами. Вот он уже бегом поднимается на ступени какой-то небольшой часовенки. Ждем его. Через пять минут снова восторг, рассказ. Сегодня воскресенье, толпа гуляющих. Много нарядной, ярко одетой молодежи. Обнявшись, идет красивая молодая пара — он и она. А впереди, радостно глядя на обнявшихся, идет Пластов. Он рисует эту парочку. В одной руке альбом, в другой карандаш, а изо рта веером торчат другие цветные карандаши. Ему их видно, и, меняя цвет, он берет нужный карандаш. Мы беспокоимся, не рассердились бы его натурщики, говорим:

— Аркаша, смотри как бы не побил тебя кавалер, приревнует!..

— Что вы! — весело отвечает Пластов. — Они мне, наоборот, оба улыбаются!..

В Венеции мне довелось жить целую неделю вместе с Аркадием Александровичем в одном номере гостиницы. Уходили мы утром вместе с группой, а возвращался он в номер очень поздно один.

От усталости за день, от обилия впечатлений и писания этюдов - на жаре мы все буквально валились с ног, засыпали как убитые, — все, кроме Аркаши. Он приходил часа в два, три ночи. Я уже спал, он будил меня и рассказывал, какое новое «тшудо» видел. Рассказывал интересно, образно, как рисовал. Так мы оба и сидели на кроватях почти до утра.

Я слушал эти рассказы Пластова и, любуясь им, получал удовольствие, как от увлекательного спектакля. Просыпался он «по-прислонихински» рано, только начинало светать. Быстро вскочил, подбегал к окну. Напротив был дом — фабрика какая-то или мастерская и совсем близко видны были в его окнах женщины — работницы-швей, они рано начинали свой труд, бледные, скромно одетые. Мы с Пластовым смотрели, как, не отрывая глаз от шитья, согнувшись, они безостановочно трудились. Переживая увиденное, Аркаша вспоминал родную деревню Прислониху и русских женщин, говоря:

— Нет, тут сразу видно — подневольные, а наши бабы другие — они хозяйки!..

Но впечатления повседневные не стирали в Пластова главного — одержимого человека и страстного художника, неутомимого жизнелюбца, для которого искусство — суть жизни.

Как трогательно он встречался в каждом музее, на выставке с произведениями искусства! Он не замечал зрителей. Часто впечатления свои высказывал громко, вслух — был ли это восторг или порицание. Глаз у него на хорошее был.

— Ах, вот она какая! Ну-ка, ну-ка, — обхаживал он вокруг какую-нибудь классическую скульптуру.

А в Риме, в музее Капитолия, увидев стоящую в отдельной небольшой комнате скульптуру Венеры Капитолийской, оглянувшись, подошел, поцеловал пальцы на ноге и сияющий вышел из комнаты.

Узнав об этом, Сергей Васильевич Герасимов решил подшутить:

— Аркадий Александрович, да ведь большой палец-то на ноге доделан потом!

А как он смотрел скульптуру Микеланджело «Моисей»! Еле ушел. А глядя на фрески Сикстинской капеллы, что-то шептал, шевеля губами.

Однажды я проснулся в пять утра. Осторожно встаю, чтобы не разбудить Пластова, который вчера лег, видимо, поздно. Ведь он только в одиннадцать вечера ушел на площадь святого Марка смотреть народ, гулянье.

Тихо одеваюсь. Но Аркаша при первом же шорохе вскакивает. Глаза у него восторженные, он говорит:

— Ах, каких я вчера красавиц итальянок видел, просто чудо! Как повернется, как посмотрит — все необыкновенно получается! Удивительно трогательная красота!..

Мы плывем по большому каналу Венеции. Катер приближается к мосту Риальто. Пластов встает, подходит к носу катера, на лице его улыбка. Он вынимает из кармана спичечную коробку, открывает, берет что-то из нее двумя пальцами, мнет, и, поднеся к носу, блаженно нюхает то одной, то другой ноздрей. Я спрашиваю: что это?

— Колька, хочешь Руси понюхать. Это из Прислонихи — наша польнь-трава!

И мы оба нюхаем — действительно, аромат русских полей.

— А я эту коробочку всегда везу с собой, куда ни еду, — говорит Аркаша. — Особенно приятно бывает понюхать перед чем-нибудь новым, волнительным, вот и сейчас — какая красота этот мост! Тут-то и надо вспомнить нашу Русь.

Да, мы видели, как Пластов вынимал свою коробочку, выходя на площадь во Флоренции, и перед скульптурами Микеланджело, Бенвенуто Челлини и перед древними памятниками Рима, перед входом в музей Лувра в Париже - всюду он увеличивал свою радость, вспоминая Россию.

Как-то днем я пришел в номер и вижу: Пластов одетый и в ботинках лежит поперек огромной постели, покрытой покрывалом. Вид у него непривычно грустный.

— Ты что, заболел?

— Почему? — ответил скучным голосом Аркаша! И вздохнул: — Домой охота. К себе в деревню, в Прислониху, посидеть в саду с мужичками, попить чайку, хорошо!..

А через десять минут вскочил и, схватив этюдник, надел на голову «шалаш», ринулся на улицу. Часа четыре пропадал. Вернулся радостный, полный впечатлений с красивым этюдом. Между прочим, смеясь, рассказал:

— Я давеча так спешил, что забыл про стеклянные двери внизу. Бегу мимо швейцара, вдруг мне что-то по лбу трах! — Это я в закрытую дверь влетел.

С какой детской радостью принял он от меня в подарок огромную шишку пинии, которую я нашел в парке Рима. Пластов вез домой кусочек живой Италии, но главное, что привез он домой, было множество блестяще написанных им итальянских пейзажей и огромное количество очень живых зарисовок. И в тех, и в других отразилась та взволнованность, которая во время поездки по Италии ни на минуту не покидала этого талантливейшего человека.

По дороге домой он улыбаясь, вспоминал и самоварчик, и свою избу, — вынимал свою коробочку и с наслаждением вдыхал душистую польню.